

РЕБЕНОК, КОТОРЫЙ ЗАХОТЕЛ ЖИТЬ

РУЗАННА АКОПЯН

Введение

Речь пойдет о пациенте восьми лет, находящемся у меня в течение года на амбулаторном лечении в детско-юношеском отделении больницы. Пациент был направлен на лечение школьным кабинетом*.

Мотивом для консультации явился «случай агрессивности», как его охарактеризовали школьные психологи: рассердившись на что-то или на кого-то, Н. Начинал биться головой об стенку.

При встрече с матерью мальчика выяснилось, что Н. в течение года консультировался у детского психолога, встречи с которым были прерваны в связи с его отъездом. Причина лечения со слов матери была та же: агрессивность, под которой она подразумевала ссоры со сверстниками.

Entre pez y pezcado

Н. живет с матерью, братом десяти лет и сводным братом четырнадцати лет. В ходе консультации с матерью выяснилось, что Н. родился к концу пятого месяца беременности. В течение первых двух месяцев после рождения у него было затрудненное дыхание. Как выразилась мать: «Он не слышал и не говорил. Спасся совершенно случайно». Когда я поинтересовалась, что значит «не говорил», она ответила, что имеет в виду отсутствие каких-либо речевых звуков и даже самой попытки их воспроизведения. Ее рассказ о рождении Н. был одновременно и рассказом о себе. Она представлялась как постоянно подвергавшаяся избиению женщина – с детства своей матерью, а позднее мужем, отцом пациента, который после его рождения оставил их. По ее словам, преждевременное рождение Н. явилось результатом насильственных действий мужа.

До полутора лет мальчик жил с матерью и братьями на улице. Затем на некоторое время им предоставляет жилище бабушка с материнской стороны с условием, что мать будет зарабатывать проституцией с ее клиентами, то есть, уточняя, клиентами бабушки. Через некоторое время один из клиентов берет ее и детей на свое финансовое содержание.

* «Школьный кабинет» в аргентинской системе образования – психологическое отделение, в задачи которого входит выявление психологами различных проблем, переживаемых детьми.

Мать отмечает, что двое старших ее сыновей также проходят психологическое лечение, объясняя это тем, что чувствует свою виновность перед сыновьями, в частности, из-за болезни бабушки (шизофрения).

Рассказывая о Н., мать утверждает, что он самый умный из трех сыновей. Отмечает: «Ему повезло, он спасся, т.к. не видел ни наших ссор с мужем, ни того, как он меня избивал». Таким образом, мать присваивает Н. позицию, отличную от позиции в семье двух старших сыновей.

Перейду к описанию работы с пациентом. На первой консультации Н. представляет себя следующими словами: «У меня два брата, три собаки и одна черепаха. Сейчас хочу рыбу. Если рыба мертва, то это – *pezscado*, если жива – *rez*. У меня была еще одна собака, но ее задавила машина».

Во всех историях Н. фигурирует вопрос: *быть* или *не быть*, буквально *быть живым* или *быть мертвым*? Цитирую: «...если тебе отрежут руки, ты умрешь, потому что останешься без крови. Каждый умирает, когда судьба приходит за ним».

У Н. есть особые рассказы – о «бессмертных», о тех, кто, по его словам, «почти умирают», но потом остаются живыми. Когда я его слушаю, у меня создается впечатление, что эти истории отражают его вопросы о собственном появлении на свет и желании быть живым. На одной из консультаций Н. рассказывает, что видел фильм, где люди либо умирали, либо превращались в зомби.

Теперь Н. переходит от дилеммы «*быть живым / быть мертвым*» – к «*быть зомби*».

От зомби – к имени собственному

С этой темы Н. начинает строить свою собственную историю, связывая свое имя с особенностями своего появления на свет.

– Я родился почти мертвым, больным, не мог дышать, но я спасся, потому что мне помог Бог. Мое имя означает: "Бог с нами".

– Только Бог тебе помог? – спрашиваю его я.

– Нет, я выжил, потому что не хотел умирать.

Во время одной из консультаций Н. рассказывает, что его мать предлагает ему поменять фамилию (отцовскую – на материнскую), что означало бы стереть символ, метку, унаследованную от отца. Сразу после этого заявления Н. рассказывает сон, связанный с отцом:

Я нахожусь в каком-то незнакомом месте. Приходит мой папа, и мы идем домой. На этом я просыпаюсь.

Н. начинает рассказывать об отце, которого он ни разу не видел.

– Я никогда не видел своего папу. Я был очень маленьким, когда он ушел. Знаешь, у моей мамы было три друга. Али – это тот, с кем она сейчас, Габриэль – первый, он ушел, потому что был очень застенчивый, и Тито (отец Н.) – он ушел потому, что они поссорились. Я раньше не знал, что Али не мой настоящий отец. Мне об этом сказала мама, когда в три года я увидел его фотографию.

Н. начинает говорить о том, что отцы дают детям свой знак (подразумеваемая под этим знаки зодиака). Отмечает, что его отец дал свой знак его старшему брату, а ему ничего не дал. В ответ на это заявление я спрашиваю, как его фамилия.

- Такая же, как и у моего брата, – отвечает он.
- А кто еще имеет эту фамилию? – настаиваю я.
- Мой папа, – отвечает Н.

Обращаю его внимание на то, что его отец дал ему свою фамилию.

На одной из консультаций обнаруживаю из рассказа Н., что он подвергается насмешкам в школе со стороны сверстников, из-за того, что не знает своего родного отца. Предполагаю, что его агрессивность имеет отношение к этой ситуации.

Можно предположить, что Н. не в состоянии защищаться и отвечать своим сверстникам, так как его фамилия не является для него той отправной точкой, символической ценностью, которая позволила бы ему найти свое место в обществе.

Таким образом, хронология данного случая позволяет выдвинуть гипотезу, что в Н. не укреплена функция Имени Отца, отделяющая Материнское Желание от ребенка как объекта. Поэтому, начиная с этого момента, я принимаю его предложение играть в придуманные им игры, чтобы помочь ему укрепить эту функцию.

Суть игры Н. заключается в следующем:

Он говорит слово, и, если я забываю его, то могу вместо него придумать другое, новое. Он приводит пример:

- Я забыл слово, но вместо него придумал другое – «компьютер» (*computadora* – на испанском). Знаешь, это слово содержит в себе плохое слово, но я не могу его произнести.
- И каково объяснение этого плохого слова? – спрашиваю я.
- Это такое... ругательство. Его говорят человеку, у которого нет ни отца, ни матери.

Внесу пояснение. Слово *computadora* содержит слово *puta*, которое на испанском означает «проститутка». Н. дает собственное объяснение этому слову, где позиция его матери сопоставлена с его собственной позицией. Существует определенная унификация этих двух позиций.

С помощью игры, осуществленной в рамках аналитического лечения, ребенок начинает свой путь, направленный на укрепление функции Имени Отца, для того чтобы суметь использовать эту функцию.

В заключение мне бы хотелось сказать, как закончилось это лечение к моменту моего отъезда. Во время нашей последней встречи с Н., где уже присутствовала коллега, которая должна была продолжить работу с ним, Н. рассказывает, что не будет менять фамилию отца, а добавит к ней фамилию матери. По моему мнению, это очень важное решение. Н. меняет свою позицию. С одной стороны, он уходит от позиции сироты (учитывая его интерпретацию слова *puta*), с другой – мать с позиции проститутки перемещается в позицию означающего, которое подразумевает фамилию.

Это то, чему я смогла научиться в работе с Н., и мне хотелось поделиться этим опытом.

Обсуждение Случая

В рамках семинара, посвященного симптому, при обсуждении данного случая внимание комментирующих было обращено на двойную симптоματοлогию: *побитый ребенок – спасшийся ребенок*, учитывая субъективный ответ самого ребенка и проблему, которую он сам разрабатывает, опираясь на собственные ресурсы.

Ребенок приходит на первую консультацию с симптомом – «бьется головой о стенку». Мы можем задаться вопросом, какую ценность приобретает для него означаящее «*бить*»?

Прежде всего, речь идет об отце, который бьет. Мы можем рассматривать это *битье*, во-первых, как акт зачатия, а во-вторых – как насилие, которое спровоцировало его рождение. Однако мы не должны забывать, что мать оказывается связанной с этим означаящим, так как представляется как *избиваемая женщина*.

Фраза «*быть спасенным*» позволяет осветить кое-что еще, а именно – позицию, которую занимает ребенок с точки зрения матери: она отмечает эту позицию как «отличную» от всего другого. Этот ребенок для матери является *спасенным*. Означаящее «*спасенный*» также несет в себе двойственный смысл. Это то, что, с одной стороны, позволяет ему жить, но, с другой, – не позволяет мальчику сделать шаг в сторону отца.

Таким образом, мы можем спросить, что лучше: *быть побитым* или *спасенным*; *быть живым* или *мертвым*?

Мы смогли уловить промежуточную позицию, которую занял ребенок, благодаря аналитической работе, проведенной в условиях трансфера с этими означаящими.